

открытыми те вопросы, на которые источники ответов не дают. И в этом смысле также книга В.Н. Козлякова — ценное слово на предельных рубежах наших знаний.

## Примечания

<sup>1</sup> Козляков В.Н. Михаил Фёдорович. М., 2004; Изд. 2. М., 2010; Козляков В.Н. Марина Мнишек. М., 2005; Изд. 2. М., 2018 (пер. на польск. яз. изд. в 2011 г.); Козляков В.Н. Василий Шуйский. М., 2007; Козляков В.Н. Лжедмитрий I. М., 2009; Козляков В.Н. Борис Годунов. М., 2011; Изд. 2. М., 2017; Козляков В.Н. Герои Смуты. М., 2012; Козляков В.Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М., 2014.

*Александр Пученков*

## Двенадцать месяцев из жизни революционного Крыма (апрель 1919 — апрель 1920 г.)\*

*Alexander Puchenkov*

*(Saint Petersburg State University, Russia)*

## Twelve months in the life of the revolutionary Crimea (April 1919 — April 1920)

DOI: 10.31857/S086956870016619-1

В двух монографиях московского историка М.В. Владимирского освещены события Гражданской войны в Крыму от захвата полуострова красными в апреле 1919 г. до отставки А.И. Деникина с поста главнокомандующего Вооружёнными силами на юге России (ВСЮР) и передачи им своих полномочий барону П.Н. Врангелю 22 марта (4 апреля) 1920 г. Эта диалогия — пример по-настоящему творческого и талантливое исследования, выводы и наблюдения которого будут востребованы историками.

Короткий период владычества в Крыму большевиков в апреле—июне

<sup>2</sup> Козляков В.Н. Смута в России. XVII век. М., 2007. Основная часть обсуждаемого далее издания состоит из перепечатки данной работы, к которой добавлен небольшой вводный раздел о новейшей историографии проблемы, но удалена приведённая в издании 2007 г. «Утверждённая грамота» Михаила Романова 1613 г. Впрочем, ей посвящены специальные разделы в книге: Козляков В.Н. Московское царство. СПб., 2019. С. 163—193.

<sup>3</sup> Об этом см. расширенное и дополненное новыми материалами переиздание докторской диссертации исследователя: Козляков В.Н. Служилые люди России XVI—XVII веков. М., 2018. См. также: Лантева Т.А. Эволюция служилого «города» // Сословия, институты и государственная власть в России: (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. М., 2010. С. 684—693.

1919 г. до сей поры находился на периферии исследовательского внимания. Советская историография, по сути, не объясняла причины быстрой победы белых в Крыму в июне 1919 г., ограничиваясь туманными рассуждениями о сложившейся там «весьма напряжённой» обстановке, «подрывной работе» контрреволюционных элементов, «жесточайшей экономической разрухе» и «обострённой классовой борьбе»<sup>1</sup>. По словам Владимирского, «от “пришли” до “ушли” прошло всего 75 дней. Но за этот краткий период имело место столько событий и парадоксов, на которые

---

Материал подготовлен в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, проект № 20-78-10044 «Крым в поисках национального и конфессионального согласия (1783-1920 гг.)».

\* Владимирский М.В. Красный Крым 1919 года. М.: Издательство Олега Пахмутова, 2016. 304 с. (I); Владимирский М.В. Белый деникинский Крым: Июнь 1919 — март 1920. М.: Кучково поле, 2019. 320 с. (II).

в других случаях потребовались бы годы» (I, с. 4). Об уникальности ситуации свидетельствовало уже то, что «у большинства крымских наркомов (все они были большевиками) в качестве заместителей работали меньшевики», выходили газеты меньшевиков и левых эсеров, а «единичные расстрелы второго прихода красной власти в Крым меркнут по сравнению с первым появлением красных в Крыму, когда шла массовая резня “непролетарских” элементов под безальтернативным лозунгом “Смерть буржуйам!”». Не менее массовые репрессии происходили и в ходе третьего прихода красных в Крым после разгрома Врангеля» (I, с. 68). Поэтому «соблазнительно представить Крымскую ССР 1919 года как образец гуманного решения, как некий красный режим “с человеческим лицом”. И хотелось бы понять, какова же степень такой мягкости, каковы предпосылки, причины и последствия такого феномена» (I, с. 4).

Свою задачу при написании монографии 2016 г. автор видел не в том, чтобы доказать, «насколько правы были белые или красные в борьбе за Крым, а в том, чтобы максимально подробно показать — что же представлял собой крошечный по времени кусок крымской истории — Красный Крым 1919 года» (I, с. 5). Для этого он разворачивает перед читателями три «панорамы» — военных действий, политической борьбы и повседневной жизни, подробнейшим образом рассматривая каждый из этих аспектов на основании документов, извлечённых из архивов Москвы и Республики Крым, а также газет изучаемого времени. Кстати, зачастую только из местной печати можно узнать о том, кто тогда находился на полуострове. А там в годы Гражданской войны работали М.А. Волошин, И.С. Шмелёв, В.И. Вернадский, Б.Д. Греков и многие другие выдающиеся деятели науки и культуры.

Как констатирует Владимирский, весной 1919 г. добровольцы не смогли оказать красным серьёзного сопротивления в Крыму. Позднее, уже в эмиграции, Деникина даже подозревали в умышленном оставлении данной территории якобы из-за желания «проучить» «строптивое» Второе краевое правительство С.С. Крыма, с которым у Антона Ивановича действительно не сложились отношения. Конечно, можно отбросить эти недостоверные измышления, но следует признать, что удержание Крыма весной 1919 г. не рассматривалось главнокомандующим белых в качестве приоритетной задачи, поскольку у него хватало и более острых проблем. И вряд ли «такая беспечность верхов Добровольческой армии в отношении обороны Крыма объяснялась уверенностью в скором взятии Москвы» (I, с. 14). Полуостров был важен для Деникина лишь до той поры, пока он рассматривался как база для контингентов союзников, когда же выяснилось их нежелание драться с большевиками, он сразу же оказался на периферии Гражданской войны.

Между тем относительно лёгкий захват Крыма вызвал у победителей состояние, близкое к эйфории. Красноармейцы, нередко поощряемые их командирами, были склонны к грабежу и насилиям. Неудивительно, что «отношение населения к армии быстро ухудшалось», и «с первых же дней возникли разного рода противоречия между армейским руководством и гражданской властью», пытавшейся «по мере возможности защищать население... от произвола и красных командиров, и рядовых солдат» (I, с. 63). Амбициозный герой покорения Крыма П.Е. Дыбенко, опиравшийся на поддержку В.А. Антонова-Овсеенко, по-видимому, желал возглавить местное правительство, но из-за конфликта со ставленником Москвы большевиком Ю.П. Гавеном (и многими другими лицами и в центре, и

на местах) получил лишь должность народного комиссара по военным и морским делам Крымской республики. А председателем её Совнаркома (и одновременно наркомом здравоохранения) стал Д.И. Ульянов, брат Ленина, оказавшийся «весьма подходящей фигурой, уравновешивающей взаимные упреки военных и гражданских властей», «вставшей между Ю. Гавеном и П. Дыбенко» (I, с. 67). Как писал Дмитрий Ильич своей сестре Марии, «вследствие болезни Гавена, приковавшей его к постели, его нельзя было избрать председателем, хотя он наиболее подходил бы к этому, как известный хорошо по прошлому году севастопольским и симферопольским рабочим и матросам. Временно, за неимением лучшего, посадили меня — в ожидании сильного кандидата с севера от вас. Работы много, планы широкие у нас, но без помощи от вас и Киева сядем на мель — полное отсутствие денег и т.п.»<sup>2</sup>. По сути, сложился триумvirат Гавен—Ульянов—Дыбенко (I, с. 169). Младший брат Владимира Ильича, мягкий и добродушный человек, земский врач «чеховского» интеллигентского склада, по мнению Владимирского, явно тяготился обязанностями главы Совнаркома и уделял больше внимания своему любимому детищу — наркомату здравоохранения. Тем не менее он «исправно тянул эту лямку, вникая во множество проблем и вопросов», подписанные им документы «показывают полную адекватность и действенность на высоких постах», а слухи о его пьянстве и запоях не находят подтверждения в источниках. Собственно, «всерьёз... склонность к вину стала мешать Д. Ульянову позже — в 1921 году, когда он вновь оказался наркомом здравоохранения, но в совершенно новых условиях красного террора... Как результат — в 1921 году Д.И. Ульянова

убрали из Крыма по просьбе сослуживцев, чтобы он не компрометировал своего брата» (I, с. 184—185).

Выстраивая отношения с татарским населением, составлявшим до 40% жителей полуострова, Совнарком старался избежать прежних ошибок. Как вспоминал в 1926 г. видный участник установления советской власти в Крыму, первый коммунист из крымских татар И. Фирдевс, «в 1918 г. кроме большевиков единственной реальной силой, которая была организована и политически могла сгруппировать вокруг себя [другие], было национальное движение татар. Это национальное движение было, так сказать, одним из таких мощных факторов, к овладению которым нам нужно было стремиться. Все наши попытки в период 1918 года овладеть этим национальным движением и направить его в русло советской власти нам не удавались»<sup>3</sup>. В 1919 г. комиссариат по делам национальностей, который возглавил Фирдевс, занялся пропагандой и агитацией среди мусульман. Однако «полностью преодолеть недоверие татар, в недавнем прошлом являвшихся откровенными врагами большевистского режима красной Тавриды, удалось лишь внешне. Татары сделали вид, что поверили новому режиму. Они охотно пользовались теми привилегиями, которые им предложили большевики, участвовали в местных ревкомах — но только для того, чтобы заступаться за соплеменников перед властью» (I, с. 199). Конечно, «процесс перестройки национального сознания должен быть длительным и постепенным», а «краткость советского периода и кампанейщина, традиционно свойственная работе коммунистов, не могли дать и не дали существенных результатов». В итоге «перелома настроения широких татарских масс в пользу советского строя добиться не удалось» (I, с. 200).

Рассматривая «панораму повседневности», автор отмечает, что и тут «из трёх периодов красной власти второй период в плане личных свобод всё-таки оказался самым мягким» (I, с. 254). Так, «жизнь во время второго прихода красных в Крым была не слишком сытная — немного голоднее, чем при Краевом правительстве, но несравненно сытнее, чем во время голода 1921 года после победы над врангелевцами» (I, с. 264). Новая власть проявляла заботу о памятниках культуры. Под охрану взяли Воронцовский дворец и дом А.П. Чехова в Ялте. Деятельность ведомства Д.И. Ульянова, на которое возлагались функции социальной защиты крымчан, видимо, не вызвала особых нареканий. В условиях тяжелейшего дефицита средств Дмитрий Ильич ухитрялся изыскивать и деньги для пособий, и детские кровати для приютов. Ему удалось даже открыть первый в Севастополе дом престарелых и специальный приют для детей-подкидышей (I, с. 298). Несмотря на недостаток бумаги, «помимо трёх основных газет, выходило ещё полтора десятка менее значимых и менее тиражных» (I, с. 282—286). Неимущих граждан освободили от платы за обучение детей (I, с. 288). Намечался перевод из Симферополя в Севастополь Таврического университета, где отменялись переходные, вступительные и выпускные экзамены и отметки, а также обязательное ношение формы (I, с. 289—290).

За недолгое время существования республики структуры советской власти так и не удалось организовать, и они сохраняли чрезвычайный характер<sup>4</sup>. Боеспособность формирований немногочисленной местной Красной армии была невелика. По словам белогвардейца С.Н. Шидловского, «с каждым днём стояния у них дух падал, у нас поднимался»<sup>5</sup>. Опасаясь окружения, красные стали быстро

уходить на север, эвакуировав учреждения республики в Никополь, а затем в Киев. При этом, как докладывал в августе 1919 г. один из подпольщиков, оставшийся в Севастополе для ведения партийной работы, «эвакуация Крыма, в частности Севастополя, произошла довольно неожиданно» и «была проведена без всякого заранее намеченного плана»<sup>6</sup>. Неудивительно, что «в советских газетах никаких сообщений об оставлении Крыма красными не появилось. Давать подобную информацию было не принято» (I, с. 109). Фактически это было паническое бегство, и «если сравнить скорость завоевания Крыма красными в апреле (около 20 дней) со скоростью их ухода в июне (около 10 дней), имея в виду движение войск от Перекопа до Ак-Моная и в обратном направлении, то оказывается, что уходили красные вдвое быстрее, чем приходили» (I, с. 108).

Во второй книге дилогии Владимирский осветил деникинский период истории Крыма, продолжавшийся с июня 1919 по март (апрель) 1920 г. Если «в своё время задача советских историков состояла в том, чтобы доказать, что деникинский период для крымчан был плох — хуже некуда», то теперь «перед автором возникал соблазн опровергнуть подобный тезис», показав это время как самое спокойное и благополучное «для среднего обывателя» (II, с. 8). Но в целом, по признанию историка, «данная книга была задумана как зеркальное отображение... предыдущей», и в ней предполагалось установить: «Удалось ли деникинской администрации радикально изменить повседневную жизнь крымчан к лучшему». Впрочем, Владимирский не забывает о том, что «задача у деникинцев была совершенно другая — борьба “не на жизнь, а на смерть” с большевистским режимом Москвы» (II, с. 8). Крым же и

другие регионы воспринимались ими исключительно как средство для освоения страны. Вместе с тем «важным идеологическим столпом Белого движения на юге России являлась великодержавность», а «лозунг “Россия единая, великая и неделимая” исключал не только попытки самоопределения народов бывшей империи с целью отделения от России, но и создание автономных национальных образований на её территории» (II, с. 28).

Соответственно «с приходом деникинцев Крым потерял собственный орган государственного управления. Так, если раньше в Крыму было Крымское краевое правительство, а затем Временное правительство Крымской ССР, то теперь Крым вошёл составной частью в Таврическую губернию, включающую кроме него северные уезды — Днепровский, Мелитопольский и Брянский. Таким образом, руководство Крымом понизилось с правительственного уровня до губернского» (II, с. 22). Свою позицию Деникин предельно искренне высказал во время торжественного обеда в Симферополе 24 сентября 1919 г.: «Через всю русскую историю красной нитью проходит стремление к объединению и собиранию земли Русской. Повинуясь этой идее, русский народ штыками и плугом прошёл от Москвы до морей Великого океана. Только два безумных периода, изменивших этой идее, знает Россия. Период удельно-вечевой и наш кошмарный период, когда как наросты на больном теле, как мыльные пузыри, возникают самостоятельные государства, которые и лопнут, как мыльные пузыри. Этой участи не избег и Крым, который за последний год надевал разные маски. Но маскарад окончен, маски сняты и, одевшись в русский трёхцветный национальный флаг, Крым больше его не снимет. Я поднимаю свой бокал за процветание Крыма и всех тех его

деятелей, которые честно служат русской идее» (II, с. 100—101). Кстати, точно так же Антон Иванович относился и к государственным образованиям, возникавшим в Закавказье, на Кубани и на Дону. «О какой гибкости национальной политики генерала Деникина можно говорить после его тоста в Симферополе? — недоумевает Владимирский. — Произнося свой тост, он сравнивал новые государства с мыльными пузырями, которым суждено лопнуть, как мыльные пузыри. При этом он предрекал, что все эти новообразования снова оденутся в российский трёхцветный флаг. Иными словами, национальный вопрос, по его мнению, будут решать только великороссы. Такой подход, несомненно, не способствовал дальнейшему улучшению политического климата в стране» (II, с. 102—103).

Историк тщательно исследовал легальную политическую жизнь Крыма (и прежде всего деятельность кадетов, меньшевиков и эсеров), кооперативное и профсоюзное движение на полуострове, работу большевистского подполья, которая велась чрезвычайно активно и не затухала вплоть до разгрома Врангеля; за рамками монографии остались партизанские отряды красных (II, с. 59). Естественно, говорится и о противниках подпольщиков — контрразведке и крымском отделении Осведомительного агентства (ОСВАГ). Как справедливо утверждает автор, «сотрудники ОСВАГа не сумели чётко сформулировать и донести до народа идеологию Белого движения. Все понимали, что борьба ведётся против большевиков, но мало кто мог объяснить, “за что, собственно, воюет Белая армия”. Никто, в том числе и руководство ВСЮР, не формулировало эту идеологию, вместо этого господствовал официальный принцип непредрешения, то есть решение всех принципиальных вопросов отклады-

валось до победы, после которой Учредительное собрание должно было решать судьбу страны. Кроме того, деятели ОСВАГа не знали своей целевой аудитории и пытались привлечь симпатии крестьян и рабочих с помощью абстрактных лозунгов, а иногда и откровенного лубка» (II, с. 82—83).

В монографии профессионально анализируется положение рабочих, состояние промышленности и сельского хозяйства, денежное обращение и финансы<sup>7</sup>, цены на продовольствие и причины дороговизны. Характерно, что «период продовольственного благополучия крымчан» длился всего три-четыре месяца, тогда как «и до, и после... в Крыму было с продуктами либо плохо, либо очень плохо, либо катастрофически плохо» (II, с. 119). Приводя таблицу цен с января по март 1920 г., Владимирский констатирует, что «отставание зарплат от стоимости жизни составляло в январе 2,3 раза, в феврале — 2,9 раза, в марте — 1,5 раза» (II, с. 124). Впрочем, по меркам Гражданской войны, всё обстояло отнюдь не самым безрадостным образом. На полуострове выходили газеты (II, с. 165—171), давал концерты А.Н. Вертинский, читал лекции В.М. Дорошевич, действовала Таврическая учёная архивная комиссия (II, с. 161—164), проповедовали видные служители Церкви (в частности, епископ Вениамин (Федченков)) (II, с. 172—180)<sup>8</sup>.

Едва ли не самые интересные страницы книги посвящены последним месяцам деникинского правления. Автор подробно сообщает об обороне Крыма войсками Я.А. Слащова, о мятеже капитана Н.И. Орлова (II, с. 200—215) и драматической процедуре смены главнокомандующего ВСЮР.

Слащов показан Владимирским как талантливый полководец, без успехов которого история никогда бы не узнала про феномен врангелев-

ского Крыма. «Превосходно понимая эффект своего появления в конной атаке или пехотных цепях, — пишет исследователь, — Яков Александрович стремился воздействовать на воображение солдат, представляя перед ними в ореоле какого-то сказочного героя. Этому способствовала и необычная, выдуманная самим генералом форма: опушённая чёрным мехом короткая белая куртка, меховая же шапка, летящая за плечами белая бурка» (II, с. 187). И если в советской историографии Слащова представляли едва ли не самым свирепым «среди других белогвардейских генералов-палачей»<sup>9</sup>, то Владимирский хотя и не оправдывает его жестокость, но признаёт её вынужденной: «Конечно, основная работа генерала Слащова была связана с фронтом, со своим отрядом. Свою задачу он видел главным образом в том, чтобы удерживать общество в страхе и повиновении, заставляя его выполнять единственную обязанность — помогать фронту» (II, с. 195). Не отрицает исследователь и эффективности карательных мер: «По свидетельству очевидцев, для тыла, тыловых офицеров, всякого рода шкурников и паникёров Слащов был сущей грозой. Перед поездом Слащова висели на столбах по нескольку дней и офицеры, и солдаты, и рабочие, и крестьяне. И над каждым из них чёрная доска с прописанными на ней подробно фамилией, положением и преступлением казнённого, а через всю доску шла подпись мелом самого Слащова с указанием, сколько дней надлежит труп казнённого висеть на столбе (в зависимости от вины 1, 2 или 3 дня). Причём молва склонна была преувеличивать число смертных приговоров. На самом деле по приговорам, утверждённым Я.А. Слащовым, за крымский период его деятельности было казнено немногим более тридцати человек» (II, с. 196—197).

Уход Деникина с поста главного командующего историк убедительно объясняет предательством со стороны группы представителей высшего командного состава, включая А.П. Кутепова. Именно его слова о том, что добровольцы более не доверяют своему вождю, стали для Антона Ивановича «финальным ударом», после которого он заявил о желании уйти в отставку и поручил Военному совету избрать себе преемника (II, с. 223—227). Конечно, на протяжении всего его правления «в газетах регулярно появлялись сообщения о поимке большевиков и о расправе над ними», но «для остальных законопослушных граждан со свободой было намного лучше, чем при красной власти». Поэтому, полагает М.В. Владимирский, «среднего обывателя деникинский режим устраивал практически до конца 1919 года. И на этом фоне пышно расцвели и легальная политическая жизнь, и культура» (II, с. 241).

*Владлен Измозик*

## **Православное духовенство Крыма в годы великих потрясений\***

*Vladlen Izmozik*

*(Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Russia)*

### **Orthodox clergy of Crimea during the years of great upheavals**

DOI: 10.31857/S086956870016609-0

За последние 30 лет в нашей стране появилось немало работ, посвящённых положению различных конфессий в период Великой российской революции 1917—1922 гг. В них не раз освещались взаимоотношения духовенства и верующих с государством на разных этапах — от падения монархии до окончания Гражданской войны, и процессы, протекавшие внутри Церкви, и специфика отдельных регионов,

## **Примечания**

<sup>1</sup> Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. II. Симферополь, 1957. С. 194.

<sup>2</sup> Ульянов Д.И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., 1984. С. 268.

<sup>3</sup> Государственный архив Республики Крым, ф. П-150, оп. 1, д. 776, л. 1.

<sup>4</sup> Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 209.

<sup>5</sup> Шидловский С.Н. Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 27.

<sup>6</sup> РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 35.

<sup>7</sup> Подробнее см.: Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны. Изд. 2. СПб., 2018.

<sup>8</sup> О владыке Вениамине (Федченкове) см.: Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб., 2020. С. 326—365.

<sup>9</sup> Надинский П.Н. Указ. соч. С. 219.

и судьбы иерархов. Вместе с тем, естественно, в этой огромной и ещё недостаточно изученной теме до сих пор остаётся много лакун. Поэтому появление новой монографии, базирующейся на солидном массиве источников и литературы, стремящейся к объективной оценке происходивших событий, к пониманию духовной жизни исследуемого времени, не может не привлекать внимание историков.

\* Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.